

ЮЛИЯ ЖУРАВСКАЯ

ЖАЖДА ЖИЗНИ

РАССКАЗ

Ташкент в начале апреля совершенно не то, что Ташкент в июле или, скажем, в сентябре. Уже основательно умытый весенними дождями, но ещё не утомлённый палящим зноем, город приходил в себя после периода застоя, оживал и прихорашивался, как сказочная пери. Облачился в бело-розовые одежды, сотканые из цветов урюка и миндаля; заблагоухал ароматом цветущей сирени; весело подмигивал горожанам расцветающими бутонами ярких тюльпанов; обмахивался, как веером, тёплым ветерком. Словом, зажил радостной, любвеобильной весенней жизнью.

Сидя на скамейке в центральном парке, Оля увлечённо дочитывала книгу о нелёгкой судьбе гениального Ван Гога. Как непросто сложилась его жизнь и как обидно, что признание таланта и всемирная слава пришли к нему после смерти. Но родился бы гений, если бы жизнь его была иной, — радостной и счастливой? Сам Ван Гог ответил на этот вопрос так: “Человек приходит в мир не для того, чтобы прожить жизнь счастливо, даже не для того, чтобы прожить её честно. Он приходит в мир для того, чтобы создать нечто великое для всего общества, для того, чтобы достичь душевной высоты и подняться над пошлостью существования почти всех своих собратьев”. Свою миссию он выполнил, подарив человечеству сотни рукотворных шедевров. Но об этом, увы, узнать ему было не суждено.

Нотка грусти, возникшая после прочтения книги, резко контрастировала с мажорной мелодией этого солнечного дня. Жизнь текла, как вода в ары-

ЖУРАВСКАЯ Юлия Владимировна родилась в 1981 году в Заравшане. Окончила Ташкентский финансовый институт. Работала в китайской фирме “Хуавэй”. Повышала квалификацию в Гавайском университете. Окончила в Москве французский колледж при МГУ. Работает в чешской юридической компании. Живёт в Москве. Данная публикация — дебют.

ке, — спокойно и неторопливо. Ни малейших признаков потрясений, необходимости выживать, просить помощи, бороться не было в атмосфере этого субботнего дня.

Будто в подтверждение её размышлений пятнистая кошка, постоялица из кафе неподалёку, подошла к скамейке, жмурясь от лучей по-весеннему тёплого, но ещё не обжигающего солнца. Замурлыкала. Мол, да, жаль бедолагу Винсента, но жизнь многоцветна и удивительна, как его картины. Погладив доверчивую кошку, Оля закрыла прочитанную книгу и, положив её в пакет, поспешила в гости к человеку, который ждал её ровно в два часа дня и ни минутой позже.

Елизавета Васильевна была слепа много лет. Похоронив когда-то одного за другим двух своих сыновей, она согнулась под гнѐтом горя, но не сдалась. Сохранила высокую причѐску, статную осанку, а главное — интерес к жизни. Соседи не оставляли её без внимания и заботы. Азиза с первого этажа часто угощала горячим свежеприготовленным пловом. Нина Ивановна с третьего заходила поболтать, приносила ватрушки к чаю. Бывшая супруга покойного старшего сына помогла организовать социальную службу, так что с покупкой продуктов и уборкой раз в неделю вопрос был решѐн. А полгода назад привела к ней девушку, чтоб познакомиться и помочь обeim. Студентке Оленьке, снимавшей у бывшей невестки комнату, нужны были материалы для статьи о героях труда, переживших войну. Елизавете Васильевне, герою труда, — общение и такая редкая возможность поделиться воспоминаниями.

Их общение продолжилось и после того, как статья была написана и прочитана в торжественной обстановке. Оля, волнуясь, выдерживая паузы, громко читала написанный ею текст, а героиня её статьи, благоухая ароматом “Красной Москвы”, царственно кивала головой в такт каждой прозвучавшей фразе. После, погладив Оленьку по лицу, попросила приходить, когда будет возможность. Та с радостью согласилась. Внимая интересным рассказам бывшего искусствоведа, Оля удивлялась тому, как остра была память этой уже очень пожилой женщины. Без малейшей подготовки, явно затруднительной ввиду слепоты, Елизавета Васильевна, подобно фокуснику, вытаскивающему кролика из шляпы, выуживала из памяти занятные факты из биографии художников.

Особенно она любила Ван Гога. Репродукция его знаменитых “Ирисов”, размещѐнная в коридоре над небольшим зеркалом напротив входной двери, распахнутым сиреневым окном встречала каждого гостя, приглашая шагнуть внутрь в пространство света, цвета и книг. В богатой библиотеке хозяйки квартиры книги по искусству соседствовали с классикой русской и мировой литературы. Оля сначала просто смотрела на всё это великолепие, а потом, получив разрешение хозяйки, стала изредка брать по одной книге. Несмотря на разделяющие их десятилетия, во взаимоотношениях двух женщин царили понимание и взаимный интерес. О Ван Гоге они говорили совсем недавно. Узнав, что книгу Ирвинга Стоуна Оля не читала, Елизавета Васильевна настоятельно порекомендовала почитать её, добавив, что это яркая иллюстрация того, как истинное желание помогает двигаться вперѐд, несмотря ни на какие препятствия, и как порой неожиданно складывается и заканчивается жизнь.

Чтобы не идти в гости с пустыми руками, она купила на углу дома пару горячих свежееиспечѐнных лепешек, которые весѐлый, белозубый узбек завернул в газету. Положила их в пакет с прочитанной книгой и поспешила к подъезду. Часы её показывали без пяти два, а Елизавета Васильевна опозданий не любила.

Поднимаясь по лестнице на четвёртый этаж, она услышала торопливые шаги позади. Чуть сдвинувшись в сторону, чтобы уступить дорогу бежавшему торопыге, вдруг ощутила, как стальной хваткой кто-то сжал её шею, перекрывая кислород. Резко развернувшись и всё ещё ощущая железный хват на горле, Оля на долю секунды провалилась в совершенно чѐрную пропасть безумных глаз душителя, очень молодого, сильного парня. Но в то же мгновение пронизавшая её живая, спасительная мысль о том, как обидно умирать,

проучившись так много лет, но не создав ещё ничего великого для общества, о чём так истово и страстно писал Ван Гог, в одно мгновение превратила её из растерянной девушки в разъярённого тигра.

Ударив душителя по рукам и пнув ногой в живот, она заехала ему по голове пакетом с лепёшками и книгой. Скрючившись, он рванул вниз по лестнице, а она — за ним, тяжёлым молотом обрушивая единственное своё орудие на спину убегающего маньяка-неудачника. Обещания поймать и убить, летевшие вслед, явно придали скорости безумному парню. Он пулей вылетел из подъезда и рванул прочь.

Догонять его она не стала. Решила, что в следующий раз этот урод пять раз подумает, прежде чем на кого-то напасть. И, хотя подобный вывод был спорным в силу сомнительной возможности душевнобольных людей здраво размышлять и делать выводы, ей от этой мысли стало немного легче.

Остановившись и выдохнув, она с некоторым удивлением оглянулась вокруг. Ничего не изменилось. Весело чирикали пригретые солнцем воробьи, слышался гул проезжающих по дороге за домом автомобилей. Лёгкий ветерок, коснувшись её лица и волос, устремился в сторону цветущего неподалёку миндаля. Какая-то тень, по очертаниям похожая на человека в шляпе, упала на дерево. И, вместе с почудившимся ей силуэтом Ван Гога, нотка безумия только что произошедшего ворвалась в этот безоблачный мирный день.

Вернувшись к подъезду и взлетев по лестнице на четвёртый этаж, она, прежде чем позвонить в дверь, заглянула в пакет. Хлеб был безвозвратно испорчен и раскрошен, но утки на пруду в парке будут ему рады. А книга? Книга уцелела. Полоска вмятины, желобком подчеркнувшая название “Жажда жизни”, как бы акцентировала жизнеутверждающую идею.

“Не стоит предаваться сожалениям и опускать руки — так далеко не уйдёшь; важно одно — пробиваться, идти вперёд”. Винсент Ван Гог.